

МЕХАНІЗМИ ПУБЛІЧНОГО УПРАВЛІННЯ

УДК 35

DOI <https://doi.org/10.32838/TNU-2663-6468/2021.3/03>**Аманов И.А.**

Университет мировой экономики и дипломатии при МИД Республики Узбекистан

ПАНДЕМИЯ В КАЧЕСТВЕ ВОЗМОЖНОСТИ: РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ

У статті розглядається розвиток цифрової дипломатії Китаю в епоху пандемії COVID-19. Пандемія внесла вагомі зміни у звичне життя людства, змусивши всіх перейти на самоізоляцію та використовувати альтернативні засоби для життєдіяльності. Автором досліджуються питання, пов'язані з політичною системою Китайської Народної Республіки, її особливості, які вплинули на розвиток зовнішньої політики загалом, а також поняття цифрової дипломатії, її місце й роль у китайській зовнішній політиці.

Теоретичною базою роботи є праці провідних західних і китайських політологів, а також наукові статті відомих фахівців із цифрової дипломатії. Дослідження має на меті визначення ролі та способів використання в перспективі цифрових технологій для дипломатичних зв'язків шляхом аналізу діяльності зовнішньополітичних органів Китайської Народної Республіки в сучасній ситуації та в постковідну епоху.

Особливості політичної системи Китайської Народної Республіки багато в чому стали керівними в зовнішньополітичній діяльності, зокрема, у цифровій дипломатії. Дослідники визначають китайську політичну модель як «дорадчу демократію», «мерітократичну демократію», «м'який авторитаризм», а самі китайці – як «демократичну диктатуру народу». Стрімкий розвиток і широке застосування інформаційних технологій дало змогу Китаю пристосуватися до тенденцій нової ери міжнародних відносин. Інформаційні та цифрові технології відносно зручні у плані витрат, дають можливість оперативно зв'язуватися з потрібним адресатом, проте вимагають більшої відповідальності, оскільки контакти стали прозорі.

Водночас авторитарний режим у країні, який встановив жорсткий контроль у цифровій сфері, створює суперечливий образ Китайської Народної Республіки. Китайське керівництво встановило жорсткий контроль за потоком інформації, а дії китайського Міністерства закордонних справ, яке на Заході називають «дипломатією вовків-воїнів», у світових соціальних мережах також викликають питання щодо дотримання міжнародного права й міжнародних правил спілкування.

Отже, цифрова дипломатія, що має свої переваги й недоліки, залишається невеликою частиною публічної дипломатії та жодним чином не зможе замінити традиційні контакти і зв'язки.

Ключові слова: цифрова дипломатія, е-дипломатія, пандемія COVID-19, Китай, постковідна епоха.

Постановка проблемы. 2020 год был полон неоднозначных и ярких событий, он смог оказать существенное влияние на привычную жизнь, оставив неизгладимый след в истории развития человечества. Впервые пандемия глобального масштаба проявила себя в мирное время, в отличие от предыдущих эпидемий (эпидемии чумы в XII веке, «испанского гриппа» в XX веке происходили в самый разгар крупных войн). Китайская Народная

Республика (далее – КНР) стала первой, кого настигла эта «новая чума». Страна, являющаяся второй экономикой мира и главной мастерской мира, в считанные месяцы закрылась напроць, жизнь в ней остановилась на мгновение. Аналогичные сценарии настигли и другие части планеты, и наша республика не стала исключением.

В то же время министр иностранных дел КНР Ван И считает, что, несмотря на тяжелые времена,

«международная архитектура стремительно меняется, набирает обороты новый виток научно-технической революции и промышленных преобразований». Народы мира, по его словам, стали еще глубже понимать значимость сообщества единой судьбы человечества. На историческом перепутье подавляющее большинство членов международного сообщества ратуют за солидарность, открытость и сотрудничество, выступают против раскола, изоляции и конфронтации [24].

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий и интернета, формирующего современное глобальное информационное общество, не знает национальных границ и, как следствие, оказывает трансформирующее влияние на все сферы общества и государства, включая международную политику. В настоящее время реализация каждой внешнеполитической цели подкрепляется инструментами цифровой дипломатии [28]. Как форма публичной дипломатии цифровая дипломатия является механизмом влияния на зарубежную аудиторию посредством определённых методов, например:

- размещения радио и телепередач в Интернете;
- распространения в открытом доступе литературы в цифровом формате;
- мониторинга дискуссий в блогосфере;
- рассылки информации через мобильные телефоны;
- создания персонифицированных страничек членов правительства в социальных сетях [28].

В Узбекистане развитию цифровой дипломатии также уделяется самое пристальное внимание. В послании к Олий Мажлису в прошлом году Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев указал на то, что в современном мире цифровые технологии играют решающую роль во всех сферах, поэтому стремление овладеть современными знаниями, быть просвещенным и обладать высокой культурой должно стать для всех нас жизненной потребностью [1]. Также за последнее время руководство Узбекистана сделало крупные шаги для того, чтобы внешняя политика республики стала наиболее открытой для общества. Руководители государственных органов, в том числе Министерства иностранных дел Узбекистана, используют информационные платформы для контакта с гражданским обществом, представителями общественности и журналистами, давая им подробные интервью, выступая на научных конференциях и собраниях общественности с разъяснениями внешней и внутренней политики страны [25].

Постановка задания. Цель работы – проанализировать развитие цифровой дипломатии КНР.

Изложение основного материала исследования.

Политическая система КНР. Прежде чем рассмотреть развитие цифровой дипломатии КНР, необходимо определить, какова политическая система Поднебесной. Имея пятитысячелетнюю историю, Китай сумел сохранить множество традиционных ценностей и особенностей, в том числе в сфере государственного устройства. Центральную роль в государстве играл монарх-император, являвшийся «сыном Неба», которому принадлежала абсолютная власть. Исходя из этого, американский политолог Сэмюэл Хантингтон в работе «Политический порядок в меняющихся обществах» относил Китай к централизованным (бюрократическим) империям, где монарх играл активную роль, в отличие от рассредоточенного феодального государства [11]. Его коллега Фрэнсис Фукуяма в книге «Политический порядок и политический упадок: от промышленной революции до наших дней» называет Китай примером сильного государства, способного организовываться в такой форме снова и снова, существовать как тысячи лет назад, так и сейчас. Он утверждает, что, хотя в стране отсутствует верховенство права и подотчетность, последовательность приобретения институтов в Китае является правильной с точки зрения развития, поскольку сильное государство возникло до демократизации [7].

Другой американский политолог – Дэниел Белл – в свою очередь отметил, что в Китае сложилась так называемая «политическая меритократия». Он критикует современную демократию с её принципом «один человек – один голос». Он считает, что это приводит к власти неквалифицированных управленцев, вместо них появляются политики с хорошо подвешенным языком. В итоге возникает то «тирания большинства» (власть необразованной и эмоциональной толпы), то «тирания меньшинства» (избирателям некогда вдаваться в подробности, потому что необходимо работать, и они добровольно отдают власть тем, кто может позволить себе политические игры) [4].

Другие западные авторы признали способность авторитаризма в Китае изменяться и быть эффективным, назвав такую систему «авторитарной отзывчивостью». На их взгляд, это стало возможным благодаря появлению четырех характерных черт: а) системы правил передачи

политической власти; б) тщательного отбора на политические должности по профессиональным качествам; в) разделения и специализации органов власти; г) включения масс в систему политического участия [17]. Такую политическую систему называют «совещательной демократией» (deliberative democracy) [14].

Существует и другой подход к оценке современной политической системы КНР. Так, Д. Шамбо ставит под сомнение способность современной политической системы Китая позитивно эволюционировать. Он считает, что прогрессивный характер она имела только в 1998–2008 гг., когда «мягкий авторитаризм» способствовал экономическому развитию. Но уже с 2009 г. авторитаризм стал «окаменевать», а сама система перестала способствовать экономическому развитию [19, с. 123].

Китайские ученые ограничены официальной линией партии и конституцией КНР, в которой закреплено положение о монополии Коммунистической партии Китая (далее – КПК) на власть [2], что находит отражение в китайском научном дискурсе: «КНР – это социалистическое государство, возглавляемое КПК, КПК несет на своих плечах бремя управления государством, <...> это высшая руководящая политическая сила» [32].

Политическую систему КНР называют «консультативной демократией», которая «является формой народной демократии» [35]. Ее отличительной чертой выступает система многопартийного сотрудничества и контроля при признании руководящей роли КПК, которая обеспечивает четкое реагирование политической системы на запросы и требования общества и вызовы времени [12]. С начала XXI в. в рамках этой системы протекает процесс постепенного перехода от правительства развивающего типа к правительству обслуживающего типа [33]. При этом в Китае обязательно подчеркивают «качественное отличие неизбежного процесса маркетизации Китая и западного рыночного общества» [34].

Нынешний Китай – это социалистическая республика с однопартийной системой управления. Несмотря на наличие других партий в стране и на заявленный в Конституции Китая принцип демократического централизма власти, фактическая роль руководящей партии принадлежит КПК. Поэтому множество сфер жизни так или иначе находится под контролем КПК. Ключевым органом принятия политических решений является Политическое бюро, формирующееся Центральным комитетом КПК. Глава государства

является одновременно Генеральным секретарем (лидером партии) и председателем Военного Совета Центрального комитета КПК.

Цифровая дипломатия Китая. Цифровой дипломатией принято считать использование информационных и цифровых технологий в дипломатической сфере. История развития данного направления начинается с 2012 г., когда становится популярным термин «электронная дипломатия» (e-diplomacy). Широкое распространение он получил после публикации весной 2012 г. труда Фергуса Хансона, сотрудника австралийского Института Лови, приглашенного в американский Институт Брукинга. Исследователь первым постарался систематизировать программную работу, уже несколько лет проводимую государственным департаментом, которая там же именовалась «электронной дипломатией» (точнее, «е-дипломатией»). Появление первой части труда заметно оживило интерес к теме Сети и внешней политики и обусловило поворот в ее обсуждении. Определений термина «цифровая дипломатия» множество. Так, например, Ф. Хансон, дает рабочую версию: использование всемирной паутины и новых ИКТ для содействия в реализации внешнеполитических целей [10]. Данное определение не ограничивает действие цифровой дипломатии лишь социальными сетями. Западные исследователи изначально считали цифровую дипломатию частью публичной дипломатии, ограничивающейся инструментами соцсетей.

Первым внешнеполитическим органом, создавшим специальное подразделение по электронной дипломатии, был Государственный департамент США, который в 2002 г. создал Целевую группу по электронной дипломатии. С тех пор эта рабочая группа была переименована в Управление электронной дипломатии, она насчитывает около 80 сотрудников, половина которых посвящены в тонкости обработки электронных данных, связанных с работой дипломатии. В Министерстве иностранных дел и по делам Содружества Великобритании также имеется Управление цифровой дипломатии, которое занимается развитием дипломатии в цифровой и информационной сфере.

Таким образом, цифровую дипломатию могут практиковать государственные учреждения, такие как министерства иностранных дел, посольства и консульства, отдельные дипломаты, например послы или послы по особым поручениям, и негосударственные субъекты, такие как гражданское общество и правозащитные группы.

Цифровая дипломатия Китая также стала набирать обороты после 2010 г., когда страна не только окрепла экономически, но и смогла занять одну из лидирующих позиций в сфере высоких информационных технологий. Однако отличительной особенностью цифровой дипломатии Китая является не размещение представительств органов государственной власти (как, например, Белого дома либо Кремля) в социальных сетях, а использование страниц официальных представителей и руководителей пресс-служб различных органов власти. Так, официальной страницей Министерства иностранных дел КНР в известных социальных сетях является аккаунт пресс-секретаря внешнеполитического ведомства страны Чжао Лицзяня (https://twitter.com/MFA_China, страница на английском языке называется «Пресс-секретарь», а на китайском звучит как «Офис пресс-секретаря») и профиль официального представителя Хуа Чуньин (<https://twitter.com/SpokespersonCHN>) в «Твиттере». Кроме того, профили в «Твиттере» и других социальных сетях имеют послы КНР, руководители представительств и другие официальные лица. Такая практика необходима для увеличения влияния и получения расширенного ответа на возникающие относительно Министерства иностранных дел КНР вопросы.

Генеральный секретарь Центра исследований международного управления киберпространством и старший научный сотрудник Шанхайского института международных отношений Лу Чуаньин определил преимущества и недостатки цифровой дипломатии следующими показателями. Во-первых, это низкая стоимость и удобство цифровых технологий, которые могут удовлетворить постоянно растущий спрос на дипломатию со стороны международного сообщества, что значительно облегчает общение между лидерами разных стран и снижает затраты на традиционные встречи (финансовые траты, обеспечение безопасности и так далее) [36]. Во время пандемии международное сообщество провело серию цифровой дипломатической работы, такой как дипломатические онлайн-видеодиалоги и видео-конференц-связи. К примеру, подписание соглашения о создании крупнейшей зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ноябре прошлого года проходило в режиме видео-конференц-связи, в которой участвовали главы правительств стран – участниц Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) [9].

Во-вторых, цифровая дипломатия, по мнению Лу Чуаньина, соответствует все более открытой тенденции дипломатии и международных отношений. В наше время дипломатическая работа перешла от ранних секретных обменов к новому типу открытой и прозрачной дипломатии, чтобы адаптироваться и удовлетворить спрос общественности на дипломатическую информацию. Публичная дипломатия и внешние коммуникации также стали важным аспектом дипломатической работы правительств различных стран. Платформы социальных сетей предоставляют правительствам более равноправную и эффективную дипломатическую платформу. В настоящее время почти все дипломатические учреждения открыли официальные счета в принимающих странах и на международных платформах социальных сетей для ведения цифровой дипломатии.

С одной стороны, дипломатическая информация может быть быстро опубликована через платформы социальных сетей, позволяя внешнему миру получить важную информацию оперативно; с другой стороны, интерактивность социальных сетей также повысила внимание общественности и интерес к дипломатии. Многие дипломаты имеют свои собственные дипломатические счета, публикуют и пересылают некоторую дипломатическую информацию через платформы социальных сетей. Иногда с помощью соцсетей легче получить общественное одобрение. Как пример можно привести взаимодействие в социальных сетях по борьбе с эпидемиями во время пандемии Цуй Тянькая, посла Китая в США, с Чжан Вэньхуном, отечественным «звездным доктором», которое привлекло большое внимание к этому вопросу не только внутри Китая, но и в мировом сообществе, дало общественности в США и других странах более интуитивное и перцептивное понимание эпидемии.

В-третьих, цифровые технологии, по мнению Лу Чуаньина, предоставляют новые аналитические идеи и решения для все более сложных дипломатических проблем. Цифровые технологии, представленные искусственным интеллектом, могут обеспечить основу для анализа и оценки дипломатической ситуации и принятия решений. Со времени глобализации человеческое общество становится все более тесным, экономические, политические, культурные вопросы и вопросы безопасности переплетаются, а дипломатия и международные дела сталкиваются со все более сложной средой принятия решений.

Кроме того, некоторые эксперты считают, что вполне осуществимо использование цифровой

дипломатии Китая в проекте «Один пояс – один путь». Так, КНР разработала программу Цифрового Шелкового пути (Digital Silk Road), который предполагает использование китайских технологий в странах – участницах проекта. Поэтому китайская «е-дипломатия» выходит за рамки чистой экономики. Более грандиозный замысел заключается в том, чтобы наряду с расширением двусторонних отношений Китая со другими странами, его институциональным присутствием как в существующих, так и в новых глобальных институтах изменить мировой порядок в интересах КНР [15].

В то же время китайское руководство использует цифровую дипломатию в иных целях. Анализ сообщений в социальных сетях, оставленных более чем 100 китайскими официальными лицами, показал значительное увеличение количества публикаций с начала кризиса COVID-19 в начале 2020 г. Помимо более приземленного контента, некоторые дипломаты Пекина продвигали контент, резко критикующий США и Европейский Союз, отклонили критику того, как Китай справился с глобальной эпидемией, и усилили искаженный контент из поддерживаемых государством российских СМИ с послужным списком широко распространенной дезинформации. Активизация подобных действий совпадает с предупреждениями западных дипломатов и экспертов по дезинформации о том, что Пекин изменил свою онлайн-тактику после прошлогодних протестов в поддержку демократии в Гонконге. Китай становится все более агрессивным в продвижении себя в западных социальных сетях, используя существующие популистские настроения в интернете, которые уже подрывают доверие к демократическим системам среди избирателей США и Европейского Союза [5]. Подобные действия со стороны китайских дипломатов происходили во время протестов в Индии весной прошлого года.

В начале декабря прошлого года на фоне роста напряженности в отношениях между Австралией и Китаем премьер-министр Скотт Моррисон опубликовал заявление в китайской социальной сети WeChat, в котором выразил свое возмущение по поводу заигательного твита представителя Министерства иностранных дел КНР. В течение дня WeChat, который регулярно следит за конфиденциальным контентом на своей платформе, заблокировал сообщение С. Моррисона якобы за нарушение политики компании [6]. Это был не единственный случай цензуры

иностранного чиновника в китайской социальной сети. Из-за особенностей политического режима в стране введена жесткая цензура в интернете, заблокировано множество зарубежных сайтов и приложений для общения. Такую систему фильтрации содержимого в интернете в КНР западные страны окрестили «Великим китайским файрволом», тогда как в самом Китае проект именуют «Золотым щитом».

Выводы. Цифровая дипломатия стала неотъемлемой частью современных дипломатических отношений. Она удобна в использовании, не требует больших затрат при организации встреч. Благодаря е-дипломатии можно связаться с представителями напрямую, а дипломаты смогут установить прямой и тесный контакт с коллегами из других стран и общественностью. В некотором смысле коронакризис меняет дипломатию и цифровые инструменты, которые используют дипломаты. Оцифровка в этой сфере будет ускоряться, однако основы дипломатии останутся прежними, хотя теперь она должна выражаться через цифровые каналы.

В то же время сфера цифровой дипломатии нуждается в некоей упорядоченности в международном праве, также существует риск утечки закрытой дипломатической информации. Подобные недостатки нуждаются в тщательной проработке механизма осуществления подобного рода внешнеполитических отношений.

При этом необходимо отметить, что Китай является закрытой, авторитарной страной, которая установила у себя строгий фильтр для потока информации. Кроме того, Пекин достаточно успешно использует цифровую дипломатию для распространения и отстаивания своих национальных интересов (распространения проекта «Один пояс – один путь», противостояния нежелательной критике со стороны стран и международных организаций). Китайское руководство активно использует аккаунты в мировых социальных сетях, тогда как на аналогичных платформах внутри страны часто блокируют профили иностранных представительств и государственных деятелей. Такая тенденция явно вредит Пекину, поскольку подрывает доверие со стороны других стран в вопросе ведения честного и равноправного диалога. Эти моменты являются большой проблемой е-дипломатии. Поэтому основные вопросы всё же будут решаться за столом переговоров между дипломатами тет-а-тет, а цифровая дипломатия пока останется лишь частью публичной дипломатии.

Список літератури:

1. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. URL: <https://uza.uz/ru/posts/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020> (дата обращения: 17.03.2021).
2. Constitution of the People's Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Constitution/node_2825.htm (дата обращения: 13.04.2021).
3. Bell D.A. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. New York, NY : Basic Books, 1973. 616 p.
4. Bell D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton : Princeton University Press, 2015. 336 p.
5. Cerulus L. Chinese diplomacy ramps up social media offensive in COVID-19 info war. URL: <https://www.politico.eu/article/china-disinformation-covid19-coronavirus/> (дата обращения: 16.03.2021).
6. Coca N. China's Double Standard for Diplomatic Speech Online Sparks a Global Backlash. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29340/in-china-censorship-of-foreign-diplomats-ramps-up-sparking-a-global-backlash> (дата обращения: 15.03.2021).
7. Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Present Day. New York : Farrar, Straus and Girouz, 2014. 672 p.
8. Fukuyama F. Francis Fukuyama on the State of Democracy in 2020 and Beyond. URL: <https://www.wsj.com/articles/francis-fukuyama-on-the-state-of-democracy-in-2020-and-beyond-1160-8051600> (дата обращения: 16.03.2021).
9. Hejimens P., Nguyen X.Q. Asia Pacific Nations Sign Biggest Regional Trade Deal. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-15/asia-pacific-nations-sign-the-world-s-biggest-trade-deal?srnd=premium-europe&sref=cus85dez> (дата обращения: 08.03.2021).
10. Hunson F. A Digital DFAT: Joining the 21st century. Sydney, Australia : Lowy Institute, 2012. 100 p.
11. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven ; London : Yale University Press, 1968. 280 p.
12. Korolev A. Regime Responsiveness to Basic Needs: A Dimensional Approach. *Studies in Comparative International Development*. 2016. Vol. 51(4). P. 434–455.
13. Korolev A. De-ideologized Mass Line, Regime Responsiveness, and State-Society Relations. *China Review*. 2017. Vol. 17(2). P. 7–36.
14. Leib E.J., He B. The Search for Deliberative Democracy in China. New York : Palgrave Macmillan, 2006. 343 p.
15. Magnus G., Bretherton H. Will digital diplomacy cement the Belt and Road Initiative's "common destiny"? URL: <https://blogs.lse.ac.uk/cff/2020/09/17/will-digital-diplomacy-cement-the-belt-and-road-initiatives-common-destiny/> (дата обращения: 07.03.2021).
16. Mandeville L. Bei China müssen wir „auf das Schlimmste gefasst sein“. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus223610412/Francis-Fukuyama-Bei-China-muessen-wir-auf-das-Schlimmste-gefasst-sein.html> (дата обращения: 16.03.2021).
17. Nathan A.J. China's Changing of the Guard: Authoritarian Resilience. *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14(1). P. 6–17.
18. Powell Jr. G.B., Dalton R.J., Strom K.J. Comparative Politics Today: A World View. 10th ed. London : Pearson, 2012. 752 p.
19. Shambaugh D. Contemplating China's Future. *The Washington Quarterly*. 2016. Vol. 39(3). P. 123.
20. Toffler A. The Third Wave. New York : Bantam Books, 1980. 537 p.
21. Ying Jiang. Social Media and e-Diplomacy in China. Scrutinizing the Power of Weibo. New York : Palgrave Macmillan US, 2017. 147 p.
22. Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Цифровая дипломатия с китайской спецификой. *Modern Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 77–81.
23. Алешкина Н.С. «Цифровая дипломатия»: новые инструменты «мягкой силы». *Вестник Поволжского института управления*. 2018. Т. 18. № 1. С. 143–150.
24. Ван И. Преодоление трудностей и служение интересам отечества во имя нового похода дипломатии крупной страны с китайской спецификой. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1846780.shtml> (дата обращения: 07.03.2021).

25. Махкамов А. Цифровая дипломатия – ценный инструмент в деятельности ШОС. URL: <https://scocenter.uz/archives/342> (дата обращения: 14.03.2021).
26. Рябиченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 15.03.2021).
27. Сурма И. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики. *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 6(39). С. 53–60.
28. Сурма И. Цифровая дипломатия в мировой политике. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2015. № 49. С. 220–249.
29. Х. Б., Сен Я.М.Л. 数字外交：数字化时代的外交结构 (Цифровая дипломатия: дипломатическая структура в эпоху цифровых технологий). *Public Diplomacy Quarterly*. 2016. 22 09.
30. Шакиров О. Weiplomacy: цифровая дипломатия в китайском интернете. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/shakirov/weiplomacy-tsifrovaya-diplomatiya-v-kitayskom-internete/> (дата обращения: 15.03.2021).
31. Шариков П., Степанова Н. Подходы США, ЕС и России к проблеме информационной политики. *Современная Европа*. 2019. № 2(88). С. 73–83.
32. 刘海涛 (Лю Хайтао). 论国家治理体系和治理能力的现代化。(О модернизации системы управления государством и способности его к управлению). *中国政治*. 2018. Issue 4. P. 21–22.
33. 唐皇凤 (Тан Хуанфэн). 中国政治的回应性与调适性。(Ответственность и адаптивность китайской политики). *中国政治*. 2018. Issue 10. P. 3.
34. 李佃来 (Ли Дяньлай). 当代中国政治哲学机构的三个重大理论问题。(Три важных теоретических вопроса в структуре современной китайской политической философии). *中国政治*. 2018. Issue 4. P. 14.
35. 董树彬 (Дун Шубинь). 从“政治协商”到“协商民主”的理论拓展。(Развитие теории от «политических консультаций» к «консультативной демократии»). *统一战线学研究*. 2017. Issue 6. P. 40.
36. 鲁传颖 (Ч.) 数字外交新图景 (Новое видение цифровой дипломатии). URL: http://www.xinhuanet.com//globe/2020-08/28/c_139296688.htm (дата обращения: 15.03.2021).

Amanov I.A. PANDEMIC AS AN OPPORTUNITY: DEVELOPING CHINA'S DIGITAL DIPLOMACY

The article examines the development of China's digital diplomacy in the era of the COVID-19 pandemic. The pandemic has made great changes in the usual life of humanity, forcing everyone to move to self-isolation and the use of alternative means of life. The author examines issues related to the political system of the People's Republic of China, its features that influenced the development of foreign policy in general, as well as the concept of digital diplomacy, its place and role in Chinese foreign policy.

The theoretical basis of the work is the works of leading Western and Chinese political scientists, as well as scientific articles by prominent specialists in digital diplomacy. The conducted research aims to determine the role and future use of digital technologies for diplomatic relations, by analyzing the activities of the PRC's foreign policy bodies in the current situation and the post-image era.

The peculiarities of the political system of the People's Republic of China have largely become decisive in foreign policy activities, in particular in digital diplomacy. Researchers define the Chinese political model as “deliberative democracy”, “meritocratic democracy”, “soft authoritarianism”, and the Chinese themselves – “the democratic dictatorship of the people”. The rapid development and widespread use of information technology has allowed China to adapt to the trends of the new era of international relations. Information and digital technologies are relatively convenient in terms of costs, they allow you to quickly contact the right addressee, but with greater responsibility, since contacts have become transparent.

At the same time, the country's authoritarian regime, which has established strict control in the digital sphere, creates a contradictory image of the People's Republic of China. The Chinese leadership has established strict control over the flow of information, and the actions of the Chinese Foreign Ministry on world social networks, which in the West are called “diplomacy of wolf warriors”, also raises questions about the observance of international law and international rules of communication.

Thus, digital diplomacy, which has its advantages and disadvantages, remains a small part of public diplomacy and cannot replace traditional contacts and connections.

Key words: digital diplomacy, e-diplomacy, COVID-19 pandemic, China, post-covid era.